

Невольно Гань Цзиньюань заправил за ухо прядь волос Чжун Сибаева и, поднеся её к кончику носа, тихонько вдохнул аромат...

Чжун Сибай слегка повернулся и посмотрел на Гань Цзиньюаня.

Они сидели очень близко: расстояние от его щёки до кончика носа Гань Цзиньюаня составляло едва ли кулак.

Взгляд Гань Цзиньюаня неувовимо изменился, и он небрежно выпустил прядь волос Чжун Сибаева из рук.

Словно ничего не заметив, Чжун Сибай обратился к нему:

— Я что, и правда такой тяжёлый?

Гань Цзиньюань покачал головой:

— Нормально. Я с детства занимаюсь боевыми искусствами.

Чжун Сибай издал скорбный стон и, с кислым выражением лица пожаловался:

— Только благодаря многолетним тренировкам ты смог меня поднять... Выходит, я и впрямь ужасно тяжёлый!

Гань Цзиньюаня позабавило лицо Чжун Сибаева, и он привычным движением потрепал его по макушке:

— Не извращай мои слова. Я имел в виду, что ты вовсе не тяжёлый.

Чжун Сибай искоса взглянул на него и с невыразимым выражением лица протянул:

— Лжец! Братец каждый раз, когда поднимает меня, говорит, что я снова потяжелел!

— ... — Гань Цзиньюань лишился дар речи.

— И поэтому я решил! — с железной решимостью объявил Чжун Сибай. — Я буду худеть!

Гань Цзиньюань снова замер. Вспомнив ощущение мягкости в объятиях, он сказал:

— На самом деле худеть не нужно, так ты выглядишь прекрасно.

Чжун Сибай немного помолчал:

— Эту фразу тот мой старший брат повторяет уже больше десятка лет...

— ...

— Моесть решена окончательно! — заявив это, Чжун Сибай выпрыгнул из объятий Гань Цзиньюаня, сжал кулаки и твердо произнес: — Я обязательно сброшу вес, а затем в самом совершенном виде снова предстану перед второй барышней Чжан!

Когда это мягкое и благоуханное тело покинуло его объятия, Гань Цзиньюань почувствовал странную опустошённость. А мысль о том, что Чжун Сибай собирается худеть ради второй барышни Чжан, вызвала в его душе неприятный скребущий осадок — примерно так чувствуешь себя, когда между двумя неразлучными друзьями вдруг вклинивается кто-то третий.

— Так что ты должен мне помочь.

Увидев жалкий вид Чжун Сибая, Гань Цзиньюань внезапно подумал, что в общем-то ничего страшного не произошло. И хотя на его лице по-прежнему не отразилось никаких лишних эмоций, взгляд смягчился, что случалось крайне редко, и он кивнул:

— Хорошо.

Чжун Сибай тут же устроился верхом на коленях у Гань Цзиньюаня, опустил руки ему на плечи и искренне произнес:

— Настоящий брат!

Гань Цзиньюань снова поднял руку и погладил Чжун Сибая по голове, мысленно поражаясь: мало того что тело у него невероятно мягкое, так ещё и чёрные волосы на макушке такие гладкие и шелковистые, к ним так и хочется прикоснуться снова и снова.

Как-никак, Князь Пин — любимец Императора, можно сказать, государь заботливо лелеял каждую частичку его тела, превратив его в живое сокровище.

Подумав об этом, Гань Цзиньюань почувствовал, что ему будет трудно проявлять жёсткость во время тренировок Чжун Сибая. Он искренне считал, что такому человеку, как Чжун Сибай, просто не подобает пахнуть потом, как простым смертным. Но суровые тренировки, через которые он сам прошёл с малых лет, сформировали в нём характер, не позволявший давать поблажки.

Вмиг Гань Цзиньюань оказался перед дилеммой.

Вдруг Чжун Сибай коснулся его щеки:

— О чём ты задумался?

Гань Цзиньюань резко очнулся и встретился взглядом с ясными, чистыми персиковыми глазами Чжун Сибая, отчего его сердце едва заметно ёкнуло. Он вовсе не лгал раньше: черты лица Чжун Сибая действительно были безупречны. Если рассматривать каждую из них по отдельности, казалось, будто их тщательно вырезал умелый мастер. Взять хотя бы его глаза: глядя в них и видя там собственное отражение, невольно ощущаешь себя невероятно значимым для этого человека — словно во всём его мире существуешь только ты один. Это удивительное чувство наполняло Гань Цзиньюаня изнутри сладким удовлетворением.

Невольно Гань Цзиньюань подумал: если эти совершенные черты лица избавить от лишнего жира, то какая же это будет невероятная красота? Предвкушение внезапно охватило его...

От столь странных мыслей Гань Цзиньюань чуть отпрянул назад, отводя взгляд от Чжун Сибая, и произнес:

— Ни о чём. Я просто думал, как лучше взяться за твоё похудение.

Чжун Сибай кивнул:

— Тогда всю сторону тренировок я полностью доверяю тебе. А я в свою очередь прикажу придворным поварам в моем поместье урезать меню.

Гань Цзиньюань немного подумал и сказал:

— Вели придворным поварам не подавать только то, что любишь ты сам, понимаешь? Если ты действительно настроен решительно... я слышал, отвары из традиционных китайских лекарств тоже помогают исцелить тело и способствуют похудению.

Стоило Чжун Сибай услышать про китайские лекарства, как его брови тут же сошлись на переносице. На лице одновременно отразились сомнение и внутренняя борьба, словно он взвешивал, стоит ли этот метод таких жертв.

В конце концов непреклонное стремление похудеть заставило Чжун Сибая принять предложенный Гань Цзиньюанем план с использованием лекарственных отваров. Он заявил:

— Завтра же отправлюсь во дворец к придворному врачу.

Гань Цзиньюань слегка кивнул и напоследок потрепал Чжун Сибая по голове. Пожалуй, теперь, когда из их отношений исчезла давившая на них барьерная стена высокого происхождения, он почувствовал, что они стали намного ближе.

На следующий день Чжун Сибай и впрямь отправился во дворец, разыскал в Императорской лечебнице Имперского врача Лу и изложил свою цель, потребовав выписать ему лекарства.

Столкнувшись с Князем Пином, которого Император осыпал неизъяснимыми милостями, Имперский врач Лу, разумеется, не смел самовольно назначать снадобья — сперва следовало испросить высочайшего соизволения.

Услышав, что Чжун Сибай явился в лечебницу к Имперскому врачу Лу за лекарствами, Император даже не дослушал до конца — тут же велел позвать брата в покои. Отложив государственные дела, он подхватил Чжун Сибая на руки, приподнял ладонью его подбородок, внимательно оглядел и с беспокойством спросил:

— Ну-ка погляди на себя, разболелся так, что аж исхудал. Братец, не переживай, мы подберём лучшие лекарства и непременно вылечим твой недуг. Не бойся, не пройдёт и дня, как ты снова вернёшься в прежнюю форму!

В этих объятиях, в отличие от объятий Гань Цзиньюаня, куда отчётливее ощущались непринужденность и фамильярность. Без лишних слов было ясно: это абсолютное, не знающее границ доверие, возможное лишь с самыми близкими людьми.

— ... — Чжун Сибай молча смотрел на Императора Ся Чандэ. Этот мужчина с соболиными бровями, лучистыми глазами и сдержанным императорским величием крепко прижимал его к себе, а на его мужественном лице суровая строгость сменялась нежной, всеобъемлющей заботой.

Хотя Ся Чандэ искренне переживал за него, Чжун Сибай сейчас отчаянно хотелось спросить: с чего это он вообще взял, будто он похудел?

— Бедный мой братец, от болезни у тебя даже сил говорить не осталось. — Император вновь проникся глубокой жалостью, а затем резко перевёл взгляд на стоявшего на коленях Имперского врача Лу: — Даю тебе сутки на то, чтобы поставить моего брата на ноги. А иначе — хм-м!

Имперский врач Лу тоже помолчал пару мгновений, прежде чем ответить:

— Отвечаю вашему величеству: с телом Князя Пина всё в полном порядке.

— Дерзость! — рявкнул Ся Чандэ. — Сам погляди, человек отощал, а ты говоришь, что он здоров! С чего бы здоровому человеку вдруг худеть?!

Чжун Сибай не выдержал:

— Братец, я действительно не болен.

Ся Чандэ посмотрел на него и вздохнул:

— Братец мой поумнел, теперь старается не волновать старшего брата. Я тронут заботой братца, но здоровье всё же важнее.

— ... — Чжун Сибай очень хотелось хорошенько встряхнуть его, чтобы он прекратил придумывать то, чего не существует. Но в конце концов он стерпел — в конце концов, перед ним сам Император.

Делать было нечего, и Чжун Сибай попытался объяснить всё напрямую:

— Братец, я и впрямь не болен. Я собираюсь худеть, потому что чувствую себя слишком толстым. Именно поэтому я и обратился к Имперскому врачу Лу.

Услышав это, Ся Чандэ нахмурился, с ног до головы окинул Чжун Сибая взглядом и произнес:

— Худеть не нужно. У полных людей — больше удачи и счастья.

— Нет, я твёрдо решил и обязательно сброшу вес! — с упрямым выражением лица запротестовал Чжун Сибай.

Ся Чандэ долгим взглядом посмотрел на него, погладил по голове и окольным путём попытался выяснить:

— Скажи брату, с чего это тебе вдруг вздумалось худеть?

Чжун Сибай смущенно улыбнулся и промолчал.

Взгляд Ся Чандэ потемнел, и он с легким вздохом произнес:

— Похоже, наш Ань-эр и впрямь вырос.

Лицо Чжун Сибая залилось еще более ярким румянцем, и с долей смущенного раздражения он бросил:

— Братец, перестань подшучивать надо мной.

— Разве брат не прав? У братца появился тот, кто ему дорог, вот он и начал беспокоиться о своей внешности, — с дразнящей улыбкой произнес Ся Чандэ. — Истинно говорят: женщина хорошеет ради того, кто ей любезен. Наш Князь Пин в этом деле тоже не отстает.

Чжун Сибай, смущенный и сердитый одновременно, бросил на Ся Чандэ грозный взгляд и уткнулся лицом ему в грудь — словно так мог спрятаться от своего постыдного смущения.

Ся Чандэ опустил взгляд на спрятавшегося на его груди Чжун Сибая, в уголках его глаз мелькнула улыбка. Погладив брата по спине, он мягко проговорил:

— Ладно-ладно, брат согласен. Отныне Имперский врач Лу будет заниматься исключительно этим вопросом. Устроит тебя так?

Чжун Сибай, уткнувшись в объятия Ся Чандэ, кивнул.

Переведя взгляд на Имперского врача Лу, Ся Чандэ отдал соответствующие распоряжения. Получив указание, врач удалился обратно в лечебницу.

Когда Имперский врач Лу ушёл, Ся Чандэ покосился на стоявшего в стороне главного евнуха Гао И, который низко опустил голову, а его плечи мелко подрагивали, словно он изо всех сил сдерживал смех:

— Ты тоже ступай.

— Слушаюсь, этот слуга удаляется. — Получив приказ, Гао И медленно вышел за дверь и встал на страже снаружи.

Ся Чандэ похлопал Чжун Сибая по голове и ласково сказал:

— Ну вот, все ушли. Поднимай голову, а то задохнешься в темноте.

Услышав это, Чжун Сибай по привычке резко вскинул голову и со всего маху угодил лбом прямо в подбородок Ся Чандэ, приложившись довольно сильно.

— Ай! — схватившись за голову, Чжун Сибай со слезами на глазах уставился на Ся Чандэ, который морщился, потирая ушибленный подбородок. — Прости, братец, я не специально.

Ся Чандэ отмахнулся свободной рукой, показывая, что всё в порядке.

Чжун Сибай протянул руку, пытаясь отодвинуть ладонь Ся Чандэ с его подбородка, чтобы рассмотреть, сильно ли он пострадал от удара, и одновременно испуганно затараторил:

— Братец, нужно ли вернуть Имперского врача Лу? Ся Чандэ позволил Чжун Сибая убрать свою руку, покачал головой и сказал: — Не нужно.

Чжун Сибай посмотрел на слегка покрасневший подбородок Ся Чандэ и чуть нахмурился: — Очень болит?

В глазах Ся Чандэ мелькнул огонек, и он честно кивнул: — Угу, немного болит, но если императорский младший брат подует на подбородок императорского старшего брата, сразу пройдет.

Чжун Сибай опешил и с бесстрастным выражением лица посмотрел на Ся Чандэ.

— Раньше, когда я где-нибудь ранился, ты всегда так мне дул. Стоило подуть, и старшему брату уже не больно.

— ... — пробормотал Чжун Сибай: — Я ведь уже не ребенок.

Хотя он так говорил, Чжун Сибай все же подался вперед и принялся аккуратно, дуновение за дуновением, обдувать подбородок Ся Чандэ.

Ощущая, как дыхание Чжун Сибая касается его кожи, Ся Чандэ наполнил взгляд мягкой улыбкой и не удержался — протянул руку и ущипнул Чжун Сибая за щеку.

Чжун Сибай тут же шлепнул его по руке и недовольно возмутился: — Старший брат, что ты делаешь?

— Подумал о том, что потом, возможно, будет уже не так приятно ее тискать, вот и решил воспользоваться моментом, пока можно, ущипнуть лишний раз, запомнить это ощущение, чтобы потом было с чем сравнить и отслеживать твой прогресс в похудении. — Говоря это, Ся Чандэ снова ущипнул пухлую щеку Чжун Сибая.

Чжун Сибай молча поднял глаза на потолочные балки и понял, что в душе ему уже абсолютно нечего сказать.

Тискай, тискай... Лишь бы ты был доволен!

После того как Ся Уньань покинул Императорский дворец, Ся Чандэ приказал людям расследовать события последних двух дней, произошедшие с Князем Пин.

Получив отчет от тайных стражей, Ся Чандэ уставился на подробную запись о том, как Князь Пин перелез через стену в поместье Чжан и случайно встретил там дочь чиновника Чжан.

Языки пламени свечи колыхались, отражаясь на лице Ся Чандэ, из-за чего его выражение казалось непостижимо мрачным.

Долгое время спустя Ся Чандэ холодно фыркнул и поднес отчет в своих руках к огню свечи...

С этого момента план Чжун Сибая по похуждению официально вступил в силу.

Гань Цзиньюань обучил Чжун Сибая комплексу приемов, которые в основном использовались для укрепления здоровья и закалки тела, так что они были не слишком сложными и отлично подходили для тренировок Чжун Сибая.

Однако, то ли из-за природной неуклюжести Чжун Сибая в боевых искусствах, то ли из-за того, что его комплекция сильно сковывала движения, удары и выпады в исполнении Чжун Сибая выглядели, по мнению Гань Цзиньюаня, просто ужасно. Сколько бы Гань Цзиньюань ни поправлял его руку за рукой, в следующий раз Чжун Сибай неизменно совершал те же ошибки, приводя наставника в полное уныние.

Раньше он скептически относился к глубинам боевого пути, твердо веря, что упорство способно компенсировать отсутствие таланта, но теперь он глубоко прочувствовал, что в боевых искусствах все-таки необходим природный дар.

Впрочем, за прошедшие дни усердие Чжун Сибая заставило Гань Цзиньюаня взглянуть на него совершенно иначе и поверить, что это не минутная прихоть. В награду за подобное упорство на тренировках он стал обращаться с ним куда суровее: каждый день на теле Чжун Сибая появлялись новые синяки. Впрочем, отчасти это происходило из-за того, что их отношения с каждым днем становились все ближе — иначе разве осмелился бы он наносить по-настоящему тяжелые удары по Его Высочеству Князю Пин?

Сам Чжун Сибай особо не переживал, но Император каждый раз, видя синяки и ушибы на некогда безупречно белой и нежной коже, испытывал острую жалость. Тем не менее отговаривать Чжун Сибая от занятий он не стал: раз уж Чжун Сибай сам зашел так далеко, слова об отказе прозвучали бы для него как ушат холодной воды, а этого Император сделать никак не мог! Все, что оставалось в его силах — это заключать юношу в объятия и всячески утешать.

Ощущения от объятий давали о себе знать прямо и недвусмысленно: хотя в первые дни не было заметно никакой разницы, спустя полтора десятка дней уже чувствовалось, что человек на руках действительно начинает худеть, а через месяц даже по лицу стало очевидно, что Чжун Сибай похудел по-настоящему.

У Чжун Сибая проступили очертания скул, и теперь изящные черты лица на этой

посветлевшей коже уже складывались в зачатки ослепительной мужской красоты, безупречной и благородной.

День сменялся днем, и когда Ся Чандэ и Гань Цзиньюань смотрели на Чжун Сибая, на их лицах то и дело проступало глубокое, непостижимое выражение, но стоило Чжун Сибая взглянуть на них в ответ, как их лица вновь становились самыми обычными.

Несколько месяцев спустя.

На плацу Чжун Сибай в одной руке держал лук, а в другой — стрелу. Стрела сорвалась с тетивы, описала дугу в воздухе и по косой вонзилась в землю.

— ... — Чжун Сибай слегка поджал губы.

Гань Цзиньюань уже привык к подобному исходу. Он совершенно естественно подошел, встал позади Чжун Сибая и накрыл своими руками те, что сжимали лук и стрелу.

Дыхание обоих в тот же миг переплелось, воздух словно бы заметно накалился, однако оба списывали это на жар, оставшийся в теле после тренировки.

Гань Цзиньюань молча перевел взгляд с изящной и гладкой шеи Чжун Сибая на его тонкие, мягкие кисти и лишь затем устремил взор вперед, негромко произведя: — Запомни это ощущение.

Вглядывающийся вдаль Чжун Сибай едва заметно кивнул. Вместе с Гань Цзиньюанем они отпустили пальцы, и стрела снова сорвалась с тетивы, с сокрушительной силой рассекая воздух, полетела прямо в цель и вонзилась в самый центр мишени!

Радясь долгожданному попаданию, Чжун Сибай обнял Гань Цзиньюаня и восторженно завопил: — Ха-ха-ха, я попал! Я попал!

Глядя на возбужденное лицо Чжун Сибая, Гань Цзиньюань в очередной раз смягчил взгляд: — Строго говоря, попал не ты, это я помог тебе выстрелить.

Чжун Сибай опешил, разомкнул объятия и проворчал: — Ну хорошо.

Гань Цзиньюань погладил Чжун Сибая по голове: — Не унывай, потренируешься еще — и научишься.

Чжун Сибай легко фыркнул и отдельно, с нажимом произвел: — Наступит день, и я буду сбивать птиц на лету!

Гань Цзиньюань чуть кивнул и неопределенно произнес: — Угу, ну а пока давай-ка потренируемся на мишени.

Чжун Сибай скривил губы, но послушно поднял лук и наложил стрелу.

В этот самый момент по небу пролетела птица, широко раскинув крылья. Глядя на нее, Чжун Сибай почему-то почувствовал себя презренным в глазах этой пернатой твари.

Наверное, ему просто мерещится...

Чжун Сибай отпустил тетиву, и стрела снова улетела мимо цели.

Гань Цзиньюань стоял рядом, его опущенные руки чуть сжались в кулаки. Он чувствовал, как сильно горят ладони, а в груди поднимается беспокойная волна, из-за чего его взгляд, устремленный на Чжун Сибая, невольно стал еще глубже.

Чжун Сибай же, ничего не подозревая, продолжал тренировку.

Устав за целый день, Чжун Сибай вернулся в поместье, выпил лекарство и отправился принимать ванну.

В окутанной клубами пара купальне Чжун Сибай сидел с закрытыми глазами в теплой воде. Уставшее тело наконец-то расслабилось, и это блаженное чувство, когда кости словно тают, было поистине непередаваемым.

Неизвестно, сколько времени прошло, когда чья-то рука опустилась на плечо Чжун Сибая. Засыпающий молодой человек не придал этому значения: широкая ладонь показалась ему до боли знакомой, но, полностью погруженный в приятное наслаждение, Чжун Сибай не стал вдаваться в подробности, решив, что это кто-то из слуг, прислуживающих в покоях. Едва слышный низкий смешок тихо пролетел над самым его ухом, также ускользнув от внимания задремавшего Чжун Сибая.

Относительно грубоватая ладонь сначала пару раз нажала на его плечо, а затем скользнула вниз, легко поглаживая спину и вызывая легкие мурашки по коже. Настолько приятное ощущение заставило тело сладко затрепетать, и Чжун Сибай невольно издал тихое стонущее вздох-восклицание.

Рука, блуждавшая по его спине, замерла, внезапно обогнула талию и опустилась на живот.

Чжун Сибай мгновенно очнулся от дремы, резко повернул голову, желая посмотреть, кто же посмел вести себя столь дерзко!

Однако, повернувшись, он столкнулся взглядом с собственным старшим братом, Ся Чандэ, и от неожиданности замер.

Заметив выражение неверия на лице Чжун Сибая, Ся Чандэ легко похлопал его по животу и с улыбкой произвел: — И вправду похудел, даже здесь не осталось жира.

Чжун Сибай хранил молчание и лишь спустя мгновение разомкнул губы: — Почему старший брат здесь?

Когда Ся Чандэ вытаскивал руку из воды, его пальцы случайно задели кое-что. И без того разгоряченное лицо Чжун Сибая покрылось легким румянцем смущения, и он невольно качнулся в воде.

Ся Чандэ же, с совершенно невозмутимым видом — словно ничего особенного не произошло — вытащил руку из воды и негромко произвел: — Сам посуди, сколько дней ты уже носа не кажешь во дворец?

— ... — произнес Чжун Сибай: — У старшего брата столько государственных дел, разве могу я часто докучать ему своими визитами?

— М?

Ся Чандэ сузил глаза, и Чжун Сибай невольно втянул голову в плечи — стало вдруг прохладно, должно быть, вода немного остыла.

В следующий миг Ся Чандэ едва слышно вздохнул: — Ах ты, неблагодарный малыш, ну ладно, ладно.

Чжун Сибай и сам мысленно вздохнул: ты же Император, гоже ли тебе бросаться такими словами?!

— Совсем нет... — с обидой в голосе произнес Чжун Сибай.

Ся Чандэ холодно фыркнул, хотя в его голосе почти не было гнева — лишь легкая, еле уловимая нотка досады.

Глядя на Чжун Сибая, Ся Чандэ произвел: — Сколько ты уже сидишь в воде, почему до сих пор не вылазишь?

Чжун Сибай моргнул, глядя на Ся Чандэ. Ся Чандэ, не двигаясь, смотрел на Чжун Сибая. Чжун Сибай снова моргнул, глядя на Ся Чандэ, и Ся Чандэ в ответ моргнул Чжун Сибая, оставаясь на прежнем месте.

Не имея выбора, Чжун Сибай был вынужден заговорить, осторожно предложив Ся Чандэ: — Тогда не будет ли у меня просьбы к старшему брату... не мог бы он пока выйти?

Почему он говорил столь осторожно? Да потому, что Ся Чандэ всем своим видом совершенно не собирался никуда уходить!

Ся Чандэ слегка нахмурился, покачал головой и со вздохом произнес: — То, как младший брат ныне отделился от старшего, поистине заставляет мое сердце остыть. А ведь вспомни те времена, когда я собственными руками мыл тебя в бане. Времена меняются, и все претерпевает изменения, вызывая лишь вздохи.

— ... — Чжун Сибай замер с ошеломленным выражением лица, а затем нахмурился: — Что за глупости говорит старший брат? Если старший брат хочет остаться здесь, пусть остается, зачем произносить такие речи? Разве старший брат может не понимать чувств младшего?

<http://bllate.org/book/21650/2234287>